

КЛАРА АДЯГАШИ (Дебрецен)

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ТЮРКСКИХ АНЛАУТНЫХ
АФФРИКАТ В ВОЛЖСКО-БУЛГАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ
МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

**Abstract. On the Reflection of Anlaut Affricates in Some Volga Bulgarian Loan-
Words of Mari**

The etymology of three Mari words (*čince* 'perl', *šaman* < *šam-an* 'tasty' and *šūyar* 'grave') are reconsidered by the author. She argues for the Volga Bulgarian origin of all of them in the light of the new results of research on affricates in West Old Turkic varieties of the Oguric type (named formerly as Bulgar Turkic). In the case of *čince* 'pearl' the donor Volga Bulgarian dialectal forms of non-Chuvash type can be reconstructed as **čimčü* ~ **čimčü* ~ **čimči* and the borrowing can be interpreted as a direct one. In the other two words the Volga Bulgarian donor forms had an initial **š* (Volga Bulgarian **šam*, **šükär*) but its Mari equivalents with *š* refer to Kazan Tatar (in the Middle Kipchak period) as the intermediary language.

Keywords: Mari language, Volga Bulgarian of non-Chuvash type, West Old Turkic loanwords in Mari, Kazan Tatar mediation.

0. Введение

Автор статьи поставила перед собой задачу уточнить этимологии трех марийских слов волжско-булгарского происхождения в свете новых результатов исследования аффрикат в западно-древнетюркских и волжско-булгарских диалектах (Róna-Tas, Berta 2011). Для этого необходимо рассмотреть прежние предложения реконструкции фонетического качества аффрикат волжско-булгарских донорных форм.

Изучая марийско-волжско-булгарские языковые связи, М. Рясänen источником ранних тюркских заимствований марийского языка назвал чувашский, в котором пратюркский анлаутный **č* (а также **y* > волжско-булг. **j*) изменился в *š*, что отражается в чувашских заимствованиях марийского языка — в горном как *s*, в луговом как *š* (Räsänen 1920 : 29—31). По его мнению, чувашский начальный *č* восходит или к пратюрк. **t*, или слова, начинающиеся в чувашском с *č*, являются татарскими заимствованиями (Räsänen 1920 : 34—36).¹ Правда, он при-

¹ Положение М. Рясänenна об отграничении чувашских и татарских заимствований марийского языка на основании происхождения *č* в их фонологическом составе было поддержано Н. И. Исанбаевым (1989).

вел и такие слова, в которых чув. *ś* соответствует мар. *š*, не объяснив причину этого (Räsänen 1920 : 36).

Новый этап в определении источника ранних тюркских заимствований финно-угорских языков Поволжья начался благодаря опубликованию волжско-булгарских эпитафий (Юсупов 1960; Хакимзянов 1978; 1987; Erdal 1993). В языке эпитафий на месте пратюрк. **č* и **j* была арабская буква «джим», и на этом основании сложилось распространённое мнение о существовании т. н. диалекта волжско-булгарского языка. Рона-Таш уже в 1976 г. (Róna-Tas 1976 : 174—175) заметил, что прочтение арабской буквы возможно не только как *ǰ*, но и как *č*. Во второй половине XX века продолжалось интенсивное исследование исторической фонетики поволжских языков, включая и историю аффрикат (Róna-Tas 1982a; 1988 : 760—780). Но точное фонетическое определение аффрикат, одновременно существовавших в разных волжско-булгарских донорных диалектах в начале контактов с поволжскими финно-угорскими языками, стало возможным после подробного анализа огурских заимствований² венгерского языка (Róna-Tas, Berta 2011).³ Это исследование показало, что пратюркская фонема **y* на двух первых этапах древнетюркского периода прошла изменение **y > *j*, но на самом позднем этапе **j* палатализовалась и лишилась звонкости. Произошло изменение **j > č* (Róna-Tas, Berta 2011 : 1092—1094).⁴ А пратюркская фонема **č* в древнетюркском периоде в одних огурских наречиях сохранила свое непалатализованное произношение (слова с таким фонетическим качеством адаптированы правенгерским как **č*, который позже изменился в *š*). А в других огурских наречиях оригинальный древнетюрк. **č* палатализовался (**č > č̣*), т. е. рефлекс **j* и **č* совпали. Слова с этим вариантом позже дали в венгерском *č*.

Это значит, что на последнем этапе западно-древнетюркского языка огурского типа параллельно существовали две аффрикаты: (**j >*) **č* и **č̣*. В некоторых наречиях после прихода болгар на Волгу **č̣* потерял смычный элемент образования, и произошло изменение *č̣ > ś*.⁵ При языковых контактах начиная с X века в волжско-булгарских донорных формах можно считаться с анлаутным **č̣ ~ *č̣* и **ṣ́*, как с соответствиями западно-древнетюрк. **j* и **č̣*.

Начало марийско-волжско-булгарских языковых контактов связано с монгольским нашествием, что подтверждает и фонологическая аргументация фонетических изменений волжско-булгарских и монгольских заимствований в марийском языке (Róna-Tas 1982b : 119—125). Так как после монгольского нашествия марийцы постоянно соприка-

² Рона-Таш рассматривал источник древнетюркских заимствований в венгерском языке как территориальные варианты западно-древнетюркского языка огурского типа.

³ См. рецензию Адыгана 2016.

⁴ Новейшим результатом исследования Рона-Таша стало изменение аргументации соответствия венг. *s*- древнетюрк. *j* в *szél* 'ветер', *szőlő* 'виноград', *szűcs* 'меховщик'. Эти слова из-за палатализованного характера донорного анлаутного *č̣ (< *j)* адаптированы не с начальным правенг. *č̣*, а с палатализованным **ṣ́* праугорского происхождения. Палатализованный **ṣ́* в венгерском позже утратил палатализацию.

⁵ Схематический обзор хронологических и территориальных изменений западно-древнетюркских аффрикат см. в Róna-Tas, Berta 2011 : 1090.

сались со среднечувашскими диалектами, в их язык чаще попадали среднечувашские слова с начальным *ś, современное соответствие которого в большинстве марийских говоров s (~ ś), ср. мар. лит. *сорла* 'серп' (МРСл), диал. P BЈр USj US UJ C Ć *sorla*, B BЈ M UP USj *śorla*, ЈТ *sòr-la*, ЈО V K *sarla* 'Sichel' (Beke VI 2228) ← волжско-булг. *śarla, (см. также Róna-Tas, Berta 2011 : 697); мар. лит. *сорта* 'свеча', диал. P BЈр US UJ C Ć *sorta*, B BЈ M UP USj *śorta*, ЈТ *so-rta*, ЈО V K *sa-rta* 'Licht, Kerze' (Beke VI 2229) ← волжско-булг. *śarta, (Róna-Tas 1988 : 769, Róna-Tas, Berta 2011 : 387—389); мар. лит. *сукыр* 'каравай', диал. M *śukur*, UP USj *śù-kâr*, US UJ *sù-kâr*, СК Ć J *sokar*, K *sâkâr* 'Brotlaib' (Beke VI 2243) ← волжско-булг. *śükür (см. Agyagási 1985).⁶ Это объясняется тем, что среднечувашские слова изменялись далее подобно поздне-прамар. *ś (Räsänen 1920 : 32—33; Bereczki 1994 : 64). Но преобладание заимствований из среднечувашского с анлаутным *ś не означает, что марийский не заимствовал слова из других волжско-булгарских наречий с анлаутным *č (восходящим к *j и *č западно-древнетюркского языка огурского типа). В марийском лексиконе имеются даже слова, оригинальный звуковой облик которых восходит к древнетюркскому анлаутному *j и *č (на основании фонетических критериев они определяются как волжско-булгарские), но попали они в марийский язык через татарский и факт опосредования тоже подтверждают фонетические критерии.

В статье анализируются слова, в донорных формах которых выступает необычное марийское соответствие древне-булгарских анлаутных аффрикат.

1. Мар. *чынче* 'блестки' (МРСл)

Мар. диал.: P⁷ B M СК *či-nd'ze*, МК *či-nd'žə*, UP USj US *či-nd'žə*, UJ *čđnd'že*, ЈТ *tsünnzö*, ЈО *tsə-ndzə*, V *tsə-ndzə* 'platte durchlöcherter, kreisrunde Metallplättchen zu Gold- und Silberstickereien; Ziermünze; Flitter' (Beke IX 3118—3119); Ob₁ *tšindž*, Ob₂ *tšindžə*, Oka *tindže*, Okr *tšindži*, Ok (Azikovo auch Malk), *tšindžə*, Ms *tšindžə*, Mm₁ *tšindžə*, *tšə-nóžə*, Mm₂ *tšindžə*, Mm₄ *čmčə*, *čince*, Mwo *tšindži*, Mmu *tsə-ndze*, Mup *tsə-ntsə*, NW *tsə-n'zə* 'kleine Ziermünze (aus Silber) (Okr), (aus Messing, Blech) (mit einem Loch in der Mitte) wird and die Kopfbedeckung, das Hemd usw. genäht) (Ob₁ Ok Ms Mm₁ Mup NW). Münze am Stirnschmuck der Frauen (Mmu), kleine flache Kupferscheiben (als Festtagsschmuck um den Hals und auf der Brust der tscherem. Weiber) (Mm₂), kleine runde Metallverzierungen mit Löchern, die die Frauen an die Kopfbedeckung, an den Rocksäum usw. nähen (Mwo); Schmuckperle (nadelkopfgroß) (Oka), Glasperle (Ob₂), Perlmutter (Okr), Edelstein (Mm₄): Muschelschale (Okr Mm₂)' (Moisio, Saارينen 98); *чи-н'ж'е* 'блестка, блёстки; уст. жемчуг' (Вершинин 2011 : 667).

Окончательный источник слова — китайское *chên chu* 'жемчуг', заимствованное обоими древнетюркскими диалектами. В восточно-древнетюркском оно существовало как *yenčü* (ДТС 256) и *yinčü* (Clauson 1972 :

⁶ Примеры см. Agyagási 2013 : 158—160.

⁷ Сокращения названий пунктов сбора материала в словаре Беке объясняются в 1-м выпуске (Beke 13—15), а сокращения финских ученых см. Moisio, Saارينen 2008 : IX.

945), но в среднетюркском периоде уже появился фонетический вариант: гласный первого предударного слога уподобился второму, ударному лабиальному гласному и стал огубленным (см. *yünjü*⁸ 'жемчуг' 1341 г., Zajaczkowski 1961).⁹ Для западно-древнетюркского языка в литературе обычно реконструировалась **jünjü* — как донорная форма древнерус. *ѣ, ѣ, ѣ* (см. Добродомов 1966; Менгес 1979; Фасмер 1986 II 46) и правенг. *gyöngy* 'pearl' (Róna-Tas, Berta 2011 : 402—404), но древневенгерские источники, сохранившиеся с начала XII в. (Róna-Tas, Berta 2011 : 402—404), позволяют предполагать существование и другого западно-древнетюркского варианта — **jünjü*. Относительно происхождения марийских форм Рясянен впервые (в дополнении к монографии 1920 г.) высказал мнение о древнечувашском происхождении марийского слова, восходящего к **žünžü* (Räsänen 1923 : 87). А. Моисию и С. Сааринен, редактируя рукописи диалектных записей финских исследователей по марийской лексике, в новом диалектологическом словаре марийского языка приписывали марийскому слову татарское происхождение (Moisio, Saarinen 2008 : 98). В 2009 году автор статьи (Agyagási 2009) предложила аргументацию, отрицающую татарское происхождение марийского слова. Я реконструировала донорную форму как **jünjü* и предполагала, что слово является заимствованием из того центрального волжско-булгарского диалекта, который оставил за собой волжско-булгарские эпитафии. В качестве реципиентной формы я определила **čünžä*.¹⁰ Исторически здесь имелось в виду, что волжско-булгарская аффриката **j* была субституирована в позднем прамарийском периоде как **č*. А теперь, учитывая новые результаты исследования фонетики волжско-булгарских аффрикат, донорную форму марийских диалектных данных с междиалектным соответствием *i ~ ə* в первом слоге предлагаю реконструировать как **čünčü*. Пример из йошкар-олинского говора *tsünzö* (JT у Беке) можно возвести только к фонетическому варианту **čünčü*, относящемуся и к центральному диалекту волжско-булгарского языка. В обеих формах палатализованная волжско-булгарская аффриката **č* в начале слова субституировалась через единственную палатальную прамарийскую аффрикату **č* (Bereczki 1994 : 64), а в середине донорной формы в составе сочетания **nč*, последнее адаптировалось в марийском по образцу прамар. **hč* (Bereczki 1994 : 47).

На основании вокализма второго слога его фонетической реализации можно дифференцировать марийские данные с точки зрения хронологии заимствования. Те современные марийские диалектные варианты, которые имеют во втором открытом слоге редуцированные гласные или *e* и *ö*, восходящие к прамар. **ə* (Bereczki 1994 : 121), представляют собой слой волжско-булгарских заимствований единого позднего прамарийского языка: их можно возвести к реципиентным формам **čünžä* и **čünčä*, отражающим фонетические и структурные чер-

⁸ Продолжение этой формы в современном уйгурском как *yünjü*, *ünjü* 'жемчуг' (УРС).

⁹ В среднетюркских памятниках восточно-тюркского типа зафиксированы случаи ассимиляции гласного в обратном направлении: неогубленный гласный первого слога ассимилировал гласный второго слога, в результате в XIV веке появилась форма *(y)ünči* (Bodrogligetí 1969). См. также Róna-Tas, Berta 2011 : 402.

¹⁰ В процитированной статье в данной реконструкции, к сожалению, осталась опечатка.

ты прамарийского языка. Формы Okr *tʃi-ndʒi* и Mwo *tʃinbʒi* свидетельствуют о более позднем заимствовании, когда в марийско-волжско-булгарских языковых контактах участвовали только определенная часть ареала западного диалекта марийского языка и островки центрального диалекта волжско-булгарского.¹¹ Марийские данные показывают, что в качестве донорной формы выступала **čincī*, как результат ассимиляции второго гласного первым нелабиализованным. Реципиентные формы (*tʃi-ndʒi* и *tʃinbʒi*) копируют донорную уже без учета прамарийских структурных и фонетических правил второго слога. Фонетический вариант **čincī*, кроме марийского языка, нигде не сохранился, а конкретный источник заимствования в марийском со временем превратился в языковой (носители же диалекта в этнический) субстрат.

Можно подвести итог: марийские диалектные данные со значением 'блестки; жемчуг' восходят к трем фонетическим вариантам волжско-булгарского слова центрального диалекта и представляют заимствования из двух хронологически разных слоев марийского языка.

2. Мар. диал. U, UJ *šaman* 'guten Geschmack habend' (Beke VII 2293)

Марийское слово производное, оно состоит из корня *šam* и суффикса *-an*, образующего прилагательные от существительных (Bereczki 2002 : 179–80). Оно восходит к западно-древнетюркскому существительному **jet*, ср. восточно-древнетюрк. *yet* 'съестное, еда' (ДТС 255), что является отглагольным образованием от *ye-* 'есть' при помощи суффикса *-(X)m* (Erdal 1991 : 290–291).¹² Западно-древнетюркская форма **jet* ко времени прихода болгар на Волгу уже изменилась в *čet*, и в некоторых формировавшихся на новой территории диалектах анлаутный согласный *č* спирализировался в *š*: появилась форма **šem*.¹³ Волжско-булгарская фонема /e/ в первом слоге имела аллофоны [e] и [ä], ее произношение могло колебаться вплоть до среднебулгарского периода (Левитская 2014 : 60–66). Учитывая сказанное, в поздне-древнетюркском периоде (с X до середины XIII в.) для волжско-булгарских диалектов можно предположить следующие фонетические варианты древнетюркского слова огурского типа: **čet* ~ *čäm* ~ **šem* ~ **šäm*. В чувашском языке в самостоятельном

¹¹ Это объясняется, видимо, распадом прамарийского единства после татарского нашествия, волжско-булгарские группы тоже были в движении, в ранне-среднебулгарском периоде часто менялся состав контактирующих диалектных групп. Подробнее об этом в Agyagási 2018 (в печати).

¹² Его современные соответствия в тюркских языках: тат. *жим* 'корм, пища, еда, снедь' (ТатРСл); тат. диал. (Ц/гэй) *жим* 'семя, ядро семени' (ТГДС 1969 — объяснение сокращений названий наречий центрального и мишарского диалектов татарского языка см. в процитированном словаре); башк. *ем* 'корм (для птиц и рыб); зерно, семечко, ядро, ядрышко; (уст.) еда, пища' (БРСл); башк. диал. *йем* 'орех, подсолнечник' (СБГвост); ног. *ем* 'корм, фураж' (НРСл); кирг. *жем* 'корм, зерновой корм, хлебной корм' (КРСл); тув. *чем* 'пища, еда' (ТувРСл); азерб. *јем* 'корм' (АРСл); гаг. *ем* 'корм, фураж' (ГРМСл); тур. *yet* 'еда, корм, фураж' (ТРСл).

¹³ О параллельном существовании форм на *č* и *š* в волжско-булгарских диалектах начиная с X века свидетельствуют прапермские и удмуртские заимствования из волжско-булгарских диалектов: праперм. **čarla*, **šarla* 'серп' ← волжско-булг. *čarla*, *šarla* < западно-древнетюрк. **čarlag* то же (Róna-Tás 1988 : 761), удм. VU *šumori*, M.S. Gavt. G, MU *šumori* 'Spindelscheibe' ← волжско-булг. *čumur*, *šumur* < западно-древнетюрк. *čumur*, ср. восточно-древнетюрк. *yumur* 'globular, fist' (Clouston 1972 : 937).

употреблении ни один из них не сохранился.¹⁴ Но волжско-булгарские слова могли сохраниться в лексиконе соседних языков. Предположим, что *šäm заимствовалось одним из говоров центрального диалекта татарского языка как *šäm, субституируя волжско-булгарский начальный *š (отсутствует в фонетическом составе) через спирант ṣ̌. Случаи, когда волжско-булг. *š в татарских реципиентных формах передается спирантом ṣ̌, хорошо известны, ср. тат. диал. (чст.) *шомар-чук* 'вид гриба'¹⁵ (ТТДС 1969) ← волжско-булг. *šumar, ср. восточно-древнетюрк. *yaumur* 'дождь' (ДТС); тат. диал. *šort* 'дом' (Bálint 1875 : 77) ← волжско-булг. *šurt ср. восточно-древнетюрк. *yurt* 'дом, владение, место жительства, земля, страна' (ДТС); тат. *шүре* 'шпудлька, цевка' (ТРСл) ← волжско-булг. *šürü, ср. восточно-древнетюрк. *yüzük* 'кольцо, перстень' (ДРС) (общий обзор вопроса в Róna-Tas 1976 : 170—174).

Значит, историю марийского корня *šam* деривата *šaman* можно реконструировать так: западно-древнетюркский огурского типа *jem 'корм, еда, съестное' > волжско-булг. *čem > *šäm → среднекыпч. šäm → марВ диал. šam то же.

3 Мар. *шүгәр* 'могила; могильный' (МРСл)

Мар. ист. (1785 г.) *шүгэрла* 'могила' (Сергеев 2003 : 241); диал. Р В МК *šüä-r*, М *šüä-r*, USj US CÜ (selten!) *šüä-r*, Č *šüä-r*, JO *šüä-r*, V *šü-ä-r*, КА, Kš (selten) *šä-yer* 'Grab; Friedhof' (Beke VII 2593); Ob Okr *šüyar*, Ока *šüä-r*, Okr Mm₂ *šüä-r*, Ok Ms Mm₁ Mmu *šü-/r*, Mm_{3,4} *šüä-r*, Мур *šüyer*, NW *šü-yer* 'Grab' (O Ms Mm Мур); Friedhof (Mm₄ NW) (Moisio, Saarinen 2008); Так.: *шögär* 'могила'; Кукл.: *шүгәр* 'кладбище'; ВИЖБ.: *шүгәр* 'кладбище'; Шия: *шүгәр(үмбäk) кайена* 'пойдем на кладбище'; Гонд.: *шүгәр(үмбач)* 'кладбище' (Вершинин 2011 : 753—754).

Исследование слова тоже имеет долгую историю, так как финские и венгерские лингвисты с ранней поры финно-угорского языкознания приписывали ему финно-угорское происхождение. После более тщательного анализа марийских и венгерских соответствий Редее (UEW 59 и т. д.) в 1988 г. появились некоторые сомнения в этом. Березки считал, что марийские диалектные формы восходят к прамарийскому оригиналу и реконструировал его как *šüyer (Bereczki 1992 : 72), но у него остались сомнения относительно взаимосвязи марийских и венгерских слов. А позже в словаре марийского языка (Bereczki, Agyagási 2013 : 262—263) на основании целого ряда фонетических и словообразовательных аргументов он уже решительно отвергает финно-угорское происхождение марийских форм. А. Рона-Таш, занимаясь реконструкцией протоугорской системы фонем, финно-угорское происхождение венгерского соответствия мар. *šir* 'могила' тоже отвергает, но у него аргументация иная. Он думает, что марийские и венгерские формы происходят из третьего источника и перечисляет такие казанско-татарские и мишарские диалектные слова, фонетическое сходство которых с марийскими, по его мнению, неоспоримо (Róna-Tas, Berta 2011 : 1234), но их историческое соотношение представляется неясным.

¹⁴ Там имеется другая производная форма слова: *чимџ* 'кушанье, угощение; плод, овощи' (Ашмарин 1937 : 161), а волжско-булг. *šäm сохранилось как второй компонент сложного слова *им-šam* 'лекарство' (Ашмарин 1929 : 117).

¹⁵ Дословно 'дождевик'.

Марийское слово, на мой взгляд, имеет тюркское происхождение.¹⁶ Поволжско-тюркские данные говорят о присутствии нескольких вариантов форм в Поволжье к началу среднетюркского периода. Для среднечувашского реконструируется **şu.rur*, но теоретически возможна и другая волжско-булгарская форма *şükär, для среднекыпчакских диалектов — *çuqur ~ *çuğur ~ *čükür ~ *čügür ~ *čügär.¹⁷

Марийские диалектные данные неоднородны с точки зрения происхождения.¹⁸ В преобладающем большинстве марийских говоров восточного и западного диалектов слово имеет ашлаутный *š*- (что указывает на начальный донорный *š*-), но в красноуфимском и моркинском пунктах сбора оно имеет начальный *s*- (ср. Okr Mm₂ *süya-r*).¹⁹ В истории марийских сибилантов неизвестны причины, по которым ашлаутный прамар. *š- (< протоур. *š-) позже изменился бы внутри восточного диалекта в *s*- только в этих двух местах (Bereczki 1994 : 56). Поэтому красноуфимскую и моркинскую формы можно без труда возвести к волжско-булгарской форме *şükär,²⁰ где волжско-булг. *š- изменялся регулярно в *s*- и интервокальный **-k-*, следуя прамарийским структур-

¹⁶ Его соответствия в тюркских языках: чув. диал. *şaxăr* 'жидкая грязь, тина; ил; карстовая яма, провал в земле' (Ашмарин 1937); тат. лит. *чокыр* 'яма, ров, рытвина; углубление, ухаб; овраг' (ГРСл); тат. диал. (Ц/трбс.) *чүгәр-мәк* 'болотистое место, впадина или углубление, что наполняются водой весной или во время сильных дождей' (ТТДС 1993); (Ц/кмшл.) *чөгөр-мәк* 'овраг конической формы, образованный в результате обвала земли' (ТТДС 1993); (Ц/минз.) *чөгөр-мәк* 'впадина, углубление, что наполняются водой весной и во время сильных дождей' (ТТДС 1969); (Ц/минз) *чөгөр-мәк* 'бурлящий ключ, источник, бьющийся из-под земли ключом, кипень' (ТТДС 1993); (М/Spassk) *şdyör* 'Grube' (Kecskemeti 1966 : 37); (М/стр.) (М/т.я.-крш) *чөгөр* 'овраг' (ТТДС 1993); (М/м-кар.) *чөгөр* то же (ТТДС 1969); (М/стр.) *чөгөр-мәк* 'овраг, возникший в результате обвала и все время увеличивающийся' (ТТДС 1993); (С/тгом.) *цонкор* 'яма' (Тумашева 1961 : 219); башк. лит. *сугыр-мак* 'комки засохшей грязи, земли; шероховатая кора (нижней части ствола дерева); комковатый' (БРСл); башк. диал. (Ю/Урта) *сүгәр-мәк* 'водоворот' (СБГ); ног. лит. *шукыр*, *шунькыр* 'яма, омут' (НРСл); ккалп. *шукыр* 'яма' (РКкалпСл); крымск.-тат. *şukır*, *şoqır* 'Grube, Loch, Höhle' (Kakuk 2012 : 54); кирг. *чукур* 'впадина, углубление, котловина' (КРСл); узб. *чукур* 'яма, впадина' (УРСл); ткмн. *чукур* 'яма, ров' (ТкмРСл); тур. *şukır* 'яма, углубление, котлован; рытвина, ухаб, колдобина, выемка; воронка' (ГРСл); таранч. *чүйкур* 'углубление, глубокий' (Радлов 1905 : 2171); телеутск. *чүйкур-чак* 'яма, западня' (Радлов 1905 : 2171); як. *чөһөрө* 'глубокий' (ЯРСл).

¹⁷ В разных татарских диалектных формах со звонким интервокальным гуттуральным согласным *-g/ğ-*, этот звук может восходить к вост.-древнетюрк. *-ŋ-*, как показывают ногайские, таранчинские, телеутские и якутские данные. Перечисленные тюркские соответствия позволяют считать данное слово частью пратюркской лексики, хотя «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» (2001), не упоминает его.

¹⁸ Такие случаи, когда марийские диалектные варианты одной словарной статьи диалектологического словаря объясняются разными донорными формами, уже были выявлены в недавних исследованиях (Bereczki, +Agyagási 2013 : 156—157).

¹⁹ Моркинский пример членения Берецки (Bereczki 1994 : 24) относится к центральному говору восточного диалекта, а красноуфимское — к уфимскому говору того же диалекта, расположенному намного восточнее первого (Bereczki 1994 : 27). Сходство форм объяснимо тем, что предки носителей красноуфимского говора до миграции в XVIII в. на восток могли жить в окрестностях г. Морки.

²⁰ В качестве волжско-булгарских можно предполагать только формы с интервокальным *-k/q-*, потому что оригинальный западно-древнетюрк. *-g/ğ-* огурского типа к XIII в. изменился в *-v-*, ср. западно-древнетюрк. *oğul 'сын' > *uğul > волжско-булг. *aul-i* 'то же' (PSSg3) (Erdal 1993 : 117—121), ср. чув. *мәл* то же.

ным нормам, реализовался в марийском как *-γ-* (см. Bereczki 1994 : 31), а гласный *ä* субституировался через *a*: волжско-булг. (**čükär* >) **šükär* → поздне-прамар. *šüyar* > марВ диал. (Okf Mm₂) *šüyar*.

Далее вопрос состоит в том, как толковать все остальные марийские формы. Тот факт, что слово с анлаутным *š-* в марийском языке распространилось в обоих диалектах и известно почти во всех их говорах, указывает на сравнительно раннее время заимствования. И все же непросто определить тюркскую донорную форму из-за начального согласного всех марийских диалектных форм. Если исходить из возможной волжско-булгарской **šükär*, тогда — из-за раннего заимствования прамарийским языком — в реципиентных формах ожидается начальный **s-* (мар. *сорла*, *сорта*, *сукыр* и *šüyar* выше), а если из **čükär*, тогда в марийском должны бы встречаться современные соответствия прамар. **č* (см. мар. *чинче*). А марийские данные с анлаутом *š*²¹ допускают только **šügär* как донорную форму. Эта форма на тюркской стороне объяснима как заимствование волжско-булгарской **šükär* через татарское посредство. В таком случае предполагается, что волжско-булгарская форма **šükär* заимствовалась тем средне-кыпчакским диалектом, на основе которого впоследствии сложился центральный диалект казанско-татарского языка. Фонетический облик волжско-булгарской донорной формы в татарском соответствии изменился: с одной стороны, начальный *š* субституировался непалатальным спирантом *ṣ̌*, который наличествовал в фонетическом составе средне-татарского языка. С другой стороны, интервокальный волжско-булг. *-k-* озвончался (*-k-* > *-g-*) точно так же, как это происходило в древнерусских словах, заимствованных казанско-татарскими диалектами через волжско-булгарское посредство: др.-рус. книга (ДРСл 7) [*kńiga*] → волжско-булг. **kńükä* > **kńeke* → среднетат. **kěnägä* > тат. диал. (Ц/зай.крш., нб.-крш.) *кәнәгә* (ТТДС 1969), ср. чув. *кёнеке* то же (Agyagási 1994); др.-рус. деготь (ДРСл 4) [*degot'*] → волжско-булг. **deket* > *dikit* → среднетат. **digit* > тат. диал. (Ц/менз.) *дегет*, (Ц/нукр.) *üeger* (ТТДС 1969), ср. чув. *тикёт* то же.

История заимствования марийских вариантов с анлаутным *š* представляется так: западно-древнетюрк. (огурского типа) **čükär* > **šükär* → среднекыпч. диал. **šügär* → марийская прото-восточная диалектная форма **šüyar* ~ марийская прото-западная форма **šüyer*.²²

Среднекыпчакская донорная форма в прамарийском лексиконе финно-угорского происхождения не имела структурных параллелей, т. е. слова с первым открытым слогом и вторым закрытым с гласной структурой **ü-ä*. Обнаружилось лишь одно слово с гласной структурой **ü-ä* (**šüngä* см. Bereczki 1992, № 392), оно сохранилось исключительно в горном наречии марийского языка и не могло подвергнуться адаптации. Известные похожие прамарийские параллели содержат в первом слоге неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъема (**i*), и гласный заднего ряда нижнего подъема (**a*) во втором (см. Bereczki 1992, № 23 **jidaŋ*, № 59 **kiškar*, № 255 **pižakš*). Гласный **ü* — за исключением КА, КŠ *šäyer* и Так. *šögär*²³ — в разных диалектных

²¹ Марийские данные, даже малмыжская форма, имеют начальный *š-*.

²² Представленное толкование освещает тюркское происхождение только марийского слова, венг. *sír* 'могила' остается неизвестным по происхождению.

²³ Форма *šögär* зафиксирована в марийской диаспоре Татарстана, где может быть результатом современного развития. Согласный *č* в современном татарском языке произносится как долгий мягкий спирант *ṣ̌*, (см. Berta 1989 : 225), а гласный *ö*

вариантах регулярно сохраняется в первом слоге. Он не редуцируется в волжском и северо-западном диалектах, видимо, потому что после него стоит широкий гласный полного образования²⁴ (в фонетических вариантах КА, КŞ *šə-γet* редукция гласного первого слога обусловлена более закрытым характером гласного второго слога). Марийские диалектные данные показывают, что гласный *ä второго слога донорной формы был регулярно субституирован: в протовосточном диалекте через *a, а в протозападном через *e. Когда субституция осуществлялась через a, тогда *a второго закрытого слога имеет регулярное междиалектное соответствие подобно формам *jidaŋ, *kiškaŋ и *pižakš. А в западном диалекте получил распространение гласный e на месте *ä (см. Bereczki 1994 : 19–21).

Значения тюркских донорных слов 'яма, углубление' могли сузиться в сторону *'яма специального назначения, могила' и в татарском.

Address

Klára Agyagási
University of Debrecen
klara.agyagasi@gmail.com

Сокращения

АРСл — Х. А. Азизбеков, Азербайджанско-русский словарь. Баку 1965; БРСл — Башкирско-русский словарь, Москва 1973; ДРСл 4 — Словарь древнерусского языка XI–XVII вв., выпуск 4 (Г–Д), Москва 1977; ДРСл 7 — Словарь древнерусского языка XI–XVII вв., выпуск 7 (К–КРАГУЯРЬ), Москва 1980; ДТС — Древнетюркский словарь, Ленинград 1969; КРСл — К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь 1–2, Москва 1965; МРСл. — Марийско-русский словарь, Москва 1956; НРСл — Ногайско-русский словарь, Москва 1963; РКалп.Сл — Русско-каракалпакский словарь, Москва 1967; СБГ — Словарь башкирских говоров, Уфа 1970; СБГвост. — Словарь башкирских говоров. Восточный диалект, Уфа 1967; ТатРСл — Татарско-русский словарь, Москва 1966; ТкмРСл — Туркменско-русский словарь, Москва 1968; ТРСл — Турецко-русский словарь, Москва 1977; ТТДС 1969 — Татар теленец диалектологик сүзлеге, Казан 1969; ТТДС 1993 — Татар теленец диалектологик сүзлеге, Казан 1993; ТувРСл — Тувинско-русский словарь, Москва 1968; УРС — Уйгурско-русский словарь, Москва 1968; УРСл — Узбекско-русский словарь, Ташкент 1988; ЧРСл. — Чувашско-русский словарь, Москва 1985; ЯРСл — Якутско-русский словарь, Москва 1972; Beke — Ö. Beke. Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) I–IX. Neu redigiert von G. Bereczki. Bearbeitet von M. Kuznecova. Herausgegeben von J. Pusztay, Savariae 1997–2002 (Bibliotheca Ceremissica Tomus IV).

азерб. — азербайджанский; башк. — башкирский; волжско-булг. — волжско-булгарский; восточно-древнетюрк. — восточно-древнетюркский; гагаузский; др.-рус. — древнерусский; западно-древнетюрк. — западно-древне-

может быть субституцией современного татарского огубленного редуцированного гласного переднего ряда среднего подъема *ö* (см. Салимов 1995 : 60).

²⁴ Для прамарийского языка характерна двусложная структура с гласным *ü в первом слоге типа *ü-ä, см. *jükéä (№ 38); *jükšä (№ 39); *küðâr (№ 127); *künšä (№ 131); *küpšä (№ 132); *kürtüä (№ 134); *küstä (№ 135); *küzγä (№ 137); *küčä (№ 138); *lümä (№ 177); *lüškä (№ 178); *müktä (№ 206); *müškâr (№ 208); *müškä (№ 226); *pünčä (№ 291); *šüðâr (№ 381); *šüðä (№ 383); *šülä (№ 388); *šüräks (№ 393); *šürtä (№ 395); *šüwäl (№ 397); *türwä (№ 435); *wülä (№ 487). В этих структурах междиалектное соответствие гласного *ü первого слога определялось изменением редуцированного звука второго слога, см. подробнее Agyagási 2018: Appendix.

тюркский; **кирг.** — киргизский; **ккалп.** — каракалпакский; **крымск.-тат.** — крымско-татарский; **мар. ист.** — марийское слово в исторических памятниках; **мар. лит.** — марийская литературная форма; **марВ** — восточномарийский; **ног.** — ногайский; **поздне-прамар.** — поздне-прамарийский; **среднекыпч.** — среднекыпчакский; **среднетат.** — среднетатарский; **таранч.** — таранчинский; **тат.** — татарский; **телеутск.** — телеутский; **ткмн.** — туркменский; **тув.** — тувинский; **тур.** — турецкий; **узб.** — узбекский; **чув.** — чувашский; **як.** — якутский.

ЛИТЕРАТУРА

- А д я г а ш и К. 2016, [Рецензия на книгу] Róna-Tas András, Berta Árpád. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Part I—II. Turcologica. Band 84. Harrassowitz, Wiesbaden. — Чувацкий гуманитарный вестник, № 11, 196—212.
- А ш м а р и н Н. И. 1929, Словарь чувашского языка. Выпуск 3, Чебоксары.
— 1937, Словарь чувашского языка. Выпуск 12, Чебоксары.
- В е р ш и н и н В. 2011, Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии, Йошкар-Ола.
- Д о б р о д о м о в И. Г. 1966, О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (К истории слова *жемчуг*). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, вып. 25, 57—64.
- И с а н б а е в Н. И. 1989, Марийско-тюркские языковые контакты, Йошкар-Ола.
- Л е в и т с к а я Л. С. 2014, Историческая фонетика чувашского языка, Чебоксары.
- М е н г е с К. 1979, Восточные элементы в «Слове о Полку Игореве», Ленинград.
- Р а д л о в В. В. 1905, Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3, Санкт-Петербург.
- С а л и м о в Х. Х. 1995, Звуковая система татарского языка. — Татарская грамматика I, Казань, 58—87.
- С е р г е е в О. А. 2003, Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом, Йошкар-Ола.
- Т у м а ш е в а Д. Г. 1961, Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь, Казань.
- Ф а с м е р М. 1986, Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV, Москва.
- Х а к и м з я н о в Ф. С. 1978, Язык эпитафий волжских булгар, Москва.
— 1987, Эпиграфические памятники Волжской Булгарии, Москва.
- Ю с у п о в Г. В. 1960, Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, Москва—Ленинград.
- A g u a g á s i, K. 1994, Weitere Beiträge zur Aufdeckung eines internationalen Wanderwortes (Das Wort "Buch" im Wolgagebiet). — Bamberger Zentralasienstudien. Konferenzakten ESCAS IV Bamberg 8.—12 Oktober 1991, Berlin, 29—36.
— 2009, Traces of Volga Bulgarian II Dialect in the Mari Vocabulary. — Turcological Letters to Bernt Brendemoen, Oslo, 15—20.
— 2013, The West Old Turkic and the Volga Bulgarian Loanwords of Cheremis. — Turkic Languages 17, 153—161.
— 2018 [в печати], Chuvash Historical Phonetics. With an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. An Areal Linguistic Study, Wiesbaden (Turcologica).
- B á l i n t, G. (Szentkatolnai). 1875, Kazáni tatár szövegek és fordítás, Budapest.
- B e r e c z k i, G. 1992, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II, Szeged (Studia Uralo-Altica 34).
— 1993, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, Szeged (Studia Uralo-Altica 35).
— 2002, A cseremis nyelv történeti alaktana, Debrecen (Studies in Linguistics of the Volga-Region. Supplementum I).

- B e r e c z k i, G., A g y a g á s i, K. 2013, Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Nach dem Tode des Verfassers herausgegeben von Klára Agyagási und Eberhard Winkler, Wiesbaden.
- B e r t a, Á. 1989, Lautgeschichte der tatarischen Dialekte, Szeged (Studia Uralo-Altaica 31).
- B o d r o g l í g e t i, A. 1969, A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'di's Gulistan (Sayf-i Sarāyi's Gulistān bi't-Turki), Budapest.
- C l a u s o n, sir G. 1972, An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish, Oxford.
- E r d a l, M. 1991, Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I, Wiesbaden.
- — 1993, Die Sprache der wolgabolarischen Inschriften, Wiesbaden.
- K a k u k, Zs. 2012, Krimtatarisches Wörterverzeichnis. Aufgrund der Sammlung von Ignác Kúnos zusammengestellt von Zsuzsa Kakuk, Szeged (Studia Uralo-Altaica 50).
- K e c s k e m é t i, I. 1966, H. Paasonen's tatarisches Dialektwörterverzeichnis. — JSFOu 66, 1—47.
- M o i s i o, A., S a a r i n e n, S. 2008, Tscheremissisches Wörterbuch. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen, Helsinki (LSFU XXXII).
- R ä s ä n e n, M. 1920, Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu 48).
- — 1923, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu 50).
- — 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki.
- R ó n a - T a s, A. 1976, Some Volga-Bulgarian Words in the Volga Kipchak Languages. — Hungaro-Turcica, Budapest, 169—175.
- — 1982a, On the History of the Turkic and Finno-Ugrian Affricates. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 36, 429—447.
- — 1982b, Loan-Words of Ultimate Middle Mongolian Origin in Chuvash. — Studies in Chuvash Etymology I, Szeged (Studia Uralo-Altaica 19), 66—134.
- — 1988, Turkic Influence on the Uralic Languages. — The Uralic Languages, Leiden—New York, 742—780.
- R ó n a - T a s, A., B e r t a, Á. 2011, West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian, Wiesbaden (Turcologica 84).
- Z a j a c z k o w s k i, A. 1961, Najstarsza wersja turecka *Ḥusrāv u Šīrīn Qutba III*, Warszawa.